

Олимпиадные задания муниципального тура Всероссийской олимпиады
по литературе для учащихся 11 класса.

1. Аналитическое задание

Выполните комплексный анализ поэтического или прозаического текста (по Вашему выбору). Обратите внимание на способы выражения идейной проблематики. Что помогает автору раскрыть свой замысел? Как система образов и композиционное построение влияют на создание подтекста и восприятие его читателем? Остановившись на наиболее значимых, по Вашему мнению, эпизодах произведения, докажите, что благодаря им автору удается создать особый эмоциональный эффект, напряженность. Определяя стилистические особенности произведения, прокомментируйте их функции и назначение в тексте. Не забывайте о логике изложения своей работы: текст должен быть связным и представлять собой литературоведческую интерпретацию произведения. Использование литературоведческой терминологии придаст Вашей работе научный характер.

М. Цветаева

Родина (О, неподатливый язык...)

О, неподатливый язык!
Чего бы попросту — мужик,
Пойми, певал и до меня:
«Россия, родина моя!»

Но и с калужского холма
Мне открывалась она —
Даль, тридевятая земля!
Чужбина, родина моя!

Даль, прирожденная, как боль,
Настолько родина и столь —
Рок, что повсюду, через всю
Даль — всю ее с собой несу!

Даль, отдалившая мне близь,
Даль, говорящая: «Вернись Домой!»
Со всех — до горних звезд —
Меня снимающая мест!

Недаром, голубей воды,
Я далью обдавала лбы.
Ты! Сей руки своей лишусь,—
Хоть двух! Губами подпишусь
На плахе: распрь моих земля —
Гордыня, родина моя!

К.Булычев

Можно попросить Нину?

- Можно попросить Нину? — сказал я.
- Это я, Нина.
- Да? Почему у тебя такой странный голос?
- Странный голос?
- Не твой. Тонкий. Ты огорчена чем-нибудь?
- Не знаю.
- Может быть, мне не стоило звонить?
- А кто говорит?
- С каких пор ты перестала меня узнавать?
- Кого узнавать?

Голос был моложе Нины лет на двадцать. А на самом деле Нинин голос лишь лет на пять моложе хозяйки. Если человека не знаешь, по голосу его возраст угадать трудно. Голоса часто старятся раньше владельцев. Или долго остаются молодыми.

- Ну ладно, — сказал я. — Послушай, я звоню тебе почти по делу.
- Наверное, вы все-таки ошиблись номером, — настаивала Нина. — Я вас не знаю.
- Это я, Вадим, Вадик, Вадим Николаевич! Что с тобой?
- Ну вот! — Нина вздохнула, будто ей жаль было прекращать разговор. — Я не знаю никакого Вадика и Вадима Николаевича.
- Простите, — извинился я и повесил трубку.

Я не сразу набрал номер снова. Конечно, я просто не туда попал. Мои пальцы не хотели звонить Нине. И набрали не тот номер. А почему они не хотели?

Я отыскал на столе пачку кубинских сигарет. Крепких, как сигары. Их, наверное, делают из обрезков сигар. Какое у меня может быть дело к Нине?

Или почти дело? Никакого. Просто хотелось узнать, дома ли она. А если ее нет дома, это ничего не меняет. Она может быть, например, у мамы. Или в театре, потому что она тысячу лет не была в театре.

Я позвонил Нине.

— Нина? — спросил я.

— Нет, Вадим Николаевич, — ответила Нина. — Вы опять ошиблись. Вы какой номер набираете?

— 149–40–89.

— А у меня Арбат — один — тридцать два — пять три.

— Конечно, — сказал я. — Арбат — это четыре?

— Арбат — это Г.

— Ничего общего, — пробормотал я. — Извините, Нина.

— Пожалуйста, — сказала Нина. — Я все равно не занята.

— Постараюсь к вам больше не попадать, — пообещал я. — Где-то заклинило. Вот и попадаю к вам. Очень плохо телефон работает.

— Да, — согласилась Нина.

Я повесил трубку.

Надо подождать. Или набрать сотню. Время. Что-то замкнется в перепутавшихся линиях на станции. И я дозвонюсь. «Двадцать два часа ровно», — ответила женщина по телефону 100. Я вдруг подумал, что если ее голос записали давно, десять лет назад, то она набирает номер 100, когда ей скучно, когда она одна дома, и слушает свой голос, свой молодой голос. А может быть, она умерла. И тогда ее сын или человек, который ее любил, набирает сотню и слушает ее голос.

Я позвонил Нине.

— Я вас слушаю, — отозвалась Нина молодым голосом. — Это опять вы, Вадим Николаевич?

— Да, — сказал я. — Видно, наши телефоны соединились намертво. Вы только не сердитесь, не думайте, что я шучу. Я очень тщательно набирал номер, который мне нужен.

— Конечно, конечно, — быстро согласилась Нина. — Я ни на минутку не подумала. А вы очень спешите, Вадим Николаевич?

— Нет, — ответил я.

— У вас важное дело к Нине?

— Нет, я просто хотел узнать, дома ли она.

— Соскучились?

— Как вам сказать...

— Я понимаю, ревнуете, — предположила Нина.

— Вы смешной человек, — произнес я. — Сколько вам лет, Нина?

— Тринадцать. А вам?

— Больше сорока. Между нами толстенная стена из кирпичей.

— И каждый кирпич — это месяц, правда?

— Даже один день может быть кирпичом.

— Да, — вздохнула Нина, — тогда это очень толстая стена. А о чем вы думаете сейчас?

— Трудно ответить. В данную минуту ни о чем. Я же разговариваю с вами.

— А если бы вам было тринадцать лет или даже пятнадцать, мы могли бы познакомиться, — сказала Нина. — Это было бы очень смешно. Я бы сказала: приезжайте завтра вечером к памятнику Пушкину. Я вас буду ждать в семь часов ровно. И мы бы друг друга не узнали. Вы где встречаетесь с Ниной?

— Как когда.

— И у Пушкина?

— Не совсем. Мы как-то встречались у «России».

— Где?

— У кинотеатра «Россия».

— Не знаю.

— Ну, на Пушкинской.

— Все равно почему-то не знаю. Вы, наверное, шутите. Я хорошо знаю Пушкинскую площадь.

— Не важно, — сказал я.

— Почему?

— Это давно было.

— Когда?

Девочке не хотелось вешать трубку. Почему-то она упорно продолжала разговор.

— Вы одна дома? — спросил я.

— Да. Мама в вечернюю смену. Она медсестра в госпитале. Она на ночь останется. Она могла бы прийти и сегодня, но забыла дома пропуск.

— Ага, — согласился я. — Ладно, ложись спать, девочка. Завтра в школу.

— Вы со мной заговорили как с ребенком.

— Нет, что ты, я говорю с тобой как со взрослой.

— Спасибо. Только сами, если хотите, ложитесь спать с семи часов. До свидания. И больше не звоните своей Нине. А то опять ко мне попадете. И разбудите меня, маленькую девочку.

Я повесил трубку. Потом включил телевизор и узнал о том, что луноход прошел за смену 337 метров. Луноход занимался делом, а я бездельничал. В

последний раз я решил позвонить Нине уже часов в одиннадцать, целый час занимал себя пустяками и решил, что, если опять попаду на девочку, повешу трубку сразу.

— Я так и знала, что вы еще раз позвоните, — сказала Нина, подойдя к телефону. — Только не вешайте трубку. Мне, честное слово, очень скучно. И читать нечего. И спать еще рано.

— Ладно, — согласился я. — Давайте разговаривать. А почему вы так поздно не спите?

— Сейчас только восемь, — сказала Нина.

— У вас часы отстают, — отозвался я. — Уже двенадцатый час.

Нина засмеялась. Смех у нее был хороший, мягкий.

— Вам так хочется от меня отделаться, что просто ужас, — объяснила она. — Сейчас октябрь, и поэтому стемнело. И вам кажется, что уже ночь.

— Теперь ваша очередь шутить? — спросил я.

— Нет, я не шучу. У вас не только часы врут, но и календарь врет.

— Почему врет?

— А вы сейчас мне скажете, что у вас вовсе не октябрь, а февраль.

— Нет, декабрь, — ответил я. И почему-то, будто сам себе не поверил, посмотрел на газету, лежавшую рядом, на диване. «Двадцать третье декабря»

— было написано под заголовком.

Мы помолчали немного, я надеялся, что она сейчас скажет «до свидания». Но она вдруг спросила:

— А вы ужинали?

— Не помню, — сказал я искренне.

— Значит, не голодный.

— Нет, не голодный.

— А я голодная.

— А что, дома есть нечего?

— Нечего! — подтвердила Нина. — Хоть шаром покати. Смешно, да?

— Даже не знаю, как вам помочь, — сказал я. — И денег нет?

— Есть, но совсем немножко. И все уже закрыто. А потом, что купишь?

— Да, — согласился я, — все закрыто. Хотите, я пошурю в холодильнике, посмотрю, что там есть?

— У вас есть холодильник?

— Старый, — ответил я. — «Север». Знаете такой?

— Нет, — призналась Нина. — А если найдете, что потом?

— Потом? Я схвачу такси и подвезу вам. А вы спуститесь к подъезду и возьмете.

— А вы далеко живете? Я — на Сивцевом Вражке. Дом 15/25.

— А я на Мосфильмовской. У Ленинских гор. За университетом.

— Опять не знаю. Только это не важно. Вы хорошо придумали, и спасибо вам за это. А что у вас есть в холодильнике? Я просто так спрашиваю, не думайте.

— Если бы я помнил, — пробормотал я. — Сейчас перенесу телефон на кухню, и мы с вами посмотрим.

Я прошел на кухню, и провод тянулся за мной, как змея.

— Итак, — сказал я, — открываем холодильник.

— А вы можете телефон носить с собой? Никогда не слышала о таком.

— Конечно, могу. А ваш телефон где стоит?

— В коридоре. Он висит на стенке. И что у вас в холодильнике?

— Значит, так... что тут, в пакете? Это яйца, неинтересно.

— Яйца?

— Ага. Куриные. Вот, хотите, принесу курицу? Нет, она французская, мороженная. Пока вы ее сварите, совсем проголодаетесь. И мама придет с работы. Лучше мы возьмем колбасы. Или нет, нашел марокканские сардины, шестьдесят копеек банка. И к ним есть полбанки майонеза. Вы слышите?

— Да, — ответила Нина совсем тихо. — Зачем вы так шутите? Я сначала хотела засмеяться, а потом мне стало грустно.

— Это еще почему? В самом деле так проголодались?

— Нет, вы же знаете.

— Что я знаю?

— Знаете, — настаивала Нина. Потом помолчала и добавила: — Ну и пусть! Скажите, а у вас есть красная икра?

— Нет, — признался я. — Зато есть филе палтуса.

— Не надо, хватит, — сказала Нина твердо. — Давайте отвлечемся. Я же все поняла.

— Что поняла?

— Что вы тоже голодный. А что у вас из окна видно?

— Из окна? Дома, копировальная фабрика. Как раз сейчас, полдвенадцатого, смена кончается. И много девушек выходит из проходной. И еще виден «Мосфильм». И пожарная команда. И железная дорога. Вот по ней сейчас идет электричка.

— И вы все видите?

— Электричка, правда, далеко идет. Видна только цепочка огоньков, окон!

— Вот вы и врете!

— Нельзя так со старшими разговаривать, — отозвался я. — Я не могу врать. Я могу ошибаться. Так в чем же я ошибся?

— Вы ошиблись в том, что видите электричку. Ее нельзя увидеть.

— Что же она, невидимая, что ли?

— Нет, она видимая, только окна светиться не могут. Да вы вообще из окна не выглядывали.

— Почему? Я стою перед самым окном.

- А у вас в кухне свет горит?
- Конечно, а как же я в темноте в холодильник бы лазил. У меня в нем перегорела лампочка.
- Вот, видите, я вас уже в третий раз поймала.
- Нина, милая, объясни мне, на чем ты меня поймала.
- Если вы смотрите в окно, то откинули затемнение. А если откинули затемнение, то потушили свет. Правильно?
- Неправильно. Зачем же мне затемнение? Война, что ли?
- Ой–ой–ой! Как же можно так завираться? А что же, мир, что ли?
- Ну, я понимаю, Вьетнам, Ближний Восток... Я не об этом.
- И я не об этом... Пойдите, а вы инвалид?
- К счастью, все у меня на месте.
- У вас бронь?
- Какая бронь?
- А почему вы тогда не на фронте?

Вот тут я в первый раз заподозрил неладное. Девочка меня вроде бы разыгрывала. Но делала это так обыкновенно и серьезно, что чуть было меня не испугала.

- На каком я должен быть фронте, Нина?
- На самом обыкновенном. Где все. Где папа. На фронте с немцами. Я серьезно говорю, я не шучу. А то вы так странно разговариваете. Может быть, вы не врите о курице и яйцах?
- Не вру, — признался я. — И никакого фронта нет. Может быть, и в самом деле мне подъехать к вам?
- Так я в самом деле не шучу! — почти крикнула Нина. — И вы перестаньте. Мне было сначала интересно и весело. А теперь стало как–то не так. Вы меня простите. Как будто вы не притворяетесь, а говорите правду.
- Честное слово, девочка, я говорю правду, — сказал я.
- Мне даже страшно стало. У нас печка почти не греет. Дров мало. И темно. Только коптилка. Сегодня электричества нет. И мне одной сидеть ой как не хочется. Я все теплые вещи на себя накутала.
- И тут же она резко и как–то сердито повторила вопрос:
- Вы почему не на фронте?
- На каком я могу быть фронте? Какой может быть фронт в семьдесят втором году?!
- Вы меня разыгрываете?

Голос опять сменил тон, был он недоверчив, был он маленьким, три вершка от пола. И невероятная, забытая картинка возникла перед глазами — то, что было со мной, но много лет, тридцать или больше лет назад. Когда мне тоже

было двенадцать лет. И в комнате стояла «буржуйка». И я сижу на диване, подобрав ноги. И горит свечка, или это была керосиновая лампа? И курица кажется нереальной, сказочной птицей, которую едят только в романах, хотя я тогда не думал о курице...

— Вы почему замолчали? — спросила Нина. — Вы лучше говорите.

— Нина, — сказал я, — какой сейчас год?

— Сорок второй, — ответила Нина.

И я уже складывал в голове ломтики несообразностей в ее словах. Она не знает кинотеатра «Россия». И номер телефона у нее только из шести цифр. И затемнение...

— Ты не ошибаешься? — спросил я.

— Нет, — стояла на своем Нина.

Она верила в то, что говорила. Может, голос обманул меня? Может, ей не тринадцать лет? Может, она сорокалетняя женщина, заболела еще тогда, девочкой, и ей кажется, что она осталась там, где война?

— Послушайте, — сказал я спокойно, — не вешайте трубку. Сегодня двадцать третье декабря 1972 года. Война кончилась двадцать семь лет назад. Вы это знаете?

— Нет, — сказала Нина.

— Теперь знайте. Сейчас двенадцатый час... Ну как вам объяснить?

— Ладно, — сказала Нина покорно. — Я тоже знаю, что вы не привезете мне курицу. Мне надо было догадаться, что французских кур не бывает.

— Почему?

— Во Франции немцы.

— Во Франции давным-давно нет никаких немцев. Только если туристы. Но немецкие туристы бывают и у нас.

— Как так? Кто их пускает?

— А почему не пускать?

— Вы не вздумайте сказать, что фрицы нас победят! Вы, наверное, просто вредитель или шпион?

— Нет, я работаю в СЭВе, в Совете Экономической Взаимопомощи. Занимаюсь венграми.

— Вот и опять врете! В Венгрии фашисты.

— Венгры давным-давно прогнали своих фашистов. Венгрия — социалистическая республика.

— Ой, а я уж боялась, что вы и в самом деле вредитель. А вы все-таки все выдумываете. Нет, не возражайте. Вы лучше расскажите мне, как будет

потом. Придумайте что хотите, только чтобы было хорошо. Пожалуйста. И извините меня, что я так с вами грубо разговаривала. Я просто не поняла.

И я не стал больше спорить. Как объяснить это? Я опять представил себе, как сижу в этом самом сорок втором году, как мне хочется узнать, когда наши возьмут Берлин и повесят Гитлера. И еще узнать, где я потерял хлебную карточку за октябрь. И сказал:

— Мы победим фашистов 9 мая 1945 года.

— Не может быть! Очень долго ждать.

— Слушай, Нина, и не перебивай. Я знаю лучше. И Берлин мы возьмем второго мая. Даже будет такая медаль — «За взятие Берлина». А Гитлер покончит с собой. Он примет яд. И даст его Еве Браун. А потом эсэсовцы вынесут его тело во двор имперской канцелярии, и обольют бензином, и сожгут.

Я рассказывал это не Нине. Я рассказывал это себе. И я послушно повторял факты, если Нина не верила или не понимала сразу, возвращался, когда она просила пояснить что-нибудь, и чуть было не потерял вновь ее доверия, когда сказал, что Сталин умрет. Но я потом вернул ее веру, поведав о Юрии Гагарине и о новом Арбате. И даже насмешил Нину, рассказав о том, что женщины будут носить брюки-клеш и совсем короткие юбки. И даже вспомнил, когда наши перейдут границу с Пруссией. Я потерял чувство реальности. Девочка Нина и мальчишка Вадик сидели передо мной на диване и слушали. Только они были голодные как черти. И дела у Вадика обстояли даже хуже, чем у Нины: хлебную карточку он потерял, и до конца месяца им с матерью придется жить на одну карточку — рабочую карточку, потому что Вадик посеял свою где-то во дворе, и только через пятнадцать лет он вдруг вспомнит, как это было, и будет снова расстраиваться, потому что карточку можно было найти даже через неделю; она, конечно, свалилась в подвал, когда он бросил на решетку пальто, собираясь погонять в футбол. И я сказал, уже потом, когда Нина устала слушать то, что полагала хорошей сказкой:

— Ты знаешь Петровку?

— Знаю, — сказала Нина. — А ее не переименовуют?

— Нет. Так вот...

Я рассказал, как войти во двор под арку и где в глубине двора есть подвал, закрытый решеткой. И если это октябрь сорок второго года, середина месяца, то в подвале, вернее всего, лежит хлебная карточка. Мы там, во дворе играли в футбол, и я эту карточку потерял.

— Какой ужас! — сказала Нина. — Я бы этого не пережила. Надо сейчас же ее отыскать. Сделайте это.

Она тоже вошла во вкус игры, и где-то реальность ушла, и уже ни она, ни я не понимали, в каком году мы находимся, — мы были вне времени, ближе к ее сорок второму году.

— Я не могу найти карточку, — объяснил я. — Прошло много лет. Но если сможешь, зайди туда, подвал должен быть открыт. В крайнем случае скажешь, что карточку обронила ты.

И в этот момент нас разъединили.

Нины не было. Что-то затрещало в трубке, женский голос произнес:

— Это 143-18-15? Вас вызывает Орджоникидзе.

— Вы ошиблись номером, — ответил я.

— Извините, — сказал женский голос равнодушно.

И были короткие гудки.

Я сразу же набрал снова Нинин номер. Мне нужно было извиниться. Нужно было посмеяться вместе с девочкой. Ведь получилась, в общем, чепуха...

— Да, — сказал голос Нины. Другой Нины.

— Это вы? — спросил я.

— А, это ты, Вадим? Что, тебе не спится?

— Извини, — сказал я. — Мне другая Нина нужна.

— Что?

Я повесил трубку и снова набрал номер.

— Ты с ума сошел? — спросила Нина. — Ты пил?

— Извини, — сказал я и снова бросил трубку.

Теперь звонить было бесполезно. Звонок из Орджоникидзе все вернул на свои места. А какой у нее настоящий телефон? Арбат — три, нет, Арбат — один — тридцать два — тринадцать... Нет, сорок...

Взрослая Нина позвонила мне сама.

— Я весь вечер сидела дома, — сказала она. — Думала, ты позвонишь, объяснишь, почему ты вчера так вел себя. Но ты, видно, совсем сошел с ума.

— Наверное, — согласился я. Мне не хотелось рассказывать ей о длинных разговорах с другой Ниной.

— Какая еще другая Нина? — спросила она. — Это образ? Ты хочешь видеть

меня иной?

— Спокойной ночи, Ниночка, — сказал я. — Завтра все объясню.

...Самое интересное, что у этой странной истории был не менее странный конец. На следующий день утром я поехал к маме. И сказал, что разберу антресоли. Я три года обещал это сделать, а тут приехал сам. Я знаю, что мама ничего не выкидывает. Из того, что, как ей кажется, может пригодиться. Я копался часа полтора в старых журналах, учебниках, разрозненных томах приложений к «Ниве». Книги были не пыльными, но пахли старой, теплой пылью. Наконец я отыскал телефонную книгу за 1950 год. Книга распухла от вложенных в нее записок и заложённых бумажками страниц, углы которых были обтрепаны и замусолены. Книга была настолько знакома, что казалось странным, как я мог ее забыть, — если б не разговор с Ниной, так бы никогда и не вспомнил о ее существовании. И стало чуть стыдно, как перед честно отслужившим костюмом, который отдают старьевщику на верную смерть.

Четыре первые цифры известны. Г-1-32... И еще я знал, что телефон, если никто из нас не притворялся, если надо мной не подшутили, стоял в переулке Сивцев Вражек, в доме 15/25. Никаких шансов найти телефон не было. Я уселся с книгой в коридоре, вытащив из ванной табуретку. Мама ничего не поняла, улыбнулась только, проходя мимо, и сказала:

— Ты всегда так. Начинаешь разбирать книги, зачитываешься через десять минут, и уборке конец.

Она не заметила, что я читаю телефонную книгу.

Я нашел этот телефон. Двадцать лет назад он стоял в той же квартире, что и в сорок втором году. И записан был на Фролову К.Г.

Согласен, я занимался чепухой. Искал то, чего и быть не могло. Но вполне допускаю, что процентов десять вполне нормальных людей, окажись они на моем месте, сделали бы то же самое. И я поехал на Сивцев Вражек.

Новые жильцы в квартире не знали, куда уехали Фроловы. Да и жили ли они здесь? Но мне повезло в домоуправлении. Старенькая бухгалтерша помнила Фроловых, с ее помощью я узнал все, что требовалось, через адресный стол.

Уже стемнело. По новому району среди одинаковых панельных башен гуляла поземка. В стандартном двухэтажном магазине продавали французских кур в покрытых инеем прозрачных пакетах. У меня появился соблазн купить курицу и принести ее, как обещал, хоть и с тридцатилетним опозданием. Но я хорошо сделал, что не купил ее. В квартире никого не было. И по тому, как гулко разносился звонок, мне показалось, что здесь люди не живут. Уехали.

Я хотел было уйти, но потом, раз уж забрался так далеко, позвонил в дверь рядом.

— Скажите, Фролова Нина Сергеевна — ваша соседка?

Парень в майке, с дымящимся паяльником в руке, ответил равнодушно:

— Они уехали.

— Куда?

— Месяц как уехали на Север. До весны не вернутся. И Нина Сергеевна, и муж ее.

Я извинился, начал спускаться по лестнице. И думал, что в Москве, вполне вероятно, живет не одна Нина Сергеевна Фролова 1930 года рождения.

И тут дверь сзади снова растворилась.

— Погодите, — сказал тот же парень. — Мать что-то сказать хочет.

Мать его тут же появилась в дверях, запахивая халат.

— А вы кем ей будете?

— Так просто. — ответил я. — Знакомый.

— Не Вадим Николаевич?

— Вадим Николаевич.

— Ну вот, — обрадовалась женщина, — чуть было вас не упустила. Она бы мне никогда этого не простила. Нина так и сказала: не прощу. И записку на дверь приколола. Только записку, наверное, ребята сорвали. Месяц уже прошел. Она сказала, что вы в декабре придете. И даже сказала, что постарается вернуться, но далеко-то как...

Женщина стояла в дверях, глядела на меня, словно ждала, что я сейчас открою какую-то тайну, расскажу ей о неудачной любви. Наверное, она и Нину пыталась: кто он тебе? И Нина тоже сказала ей: «Просто знакомый».

Женщина выдержала паузу, достала письмо из кармана халата.

«Дорогой Вадим Николаевич!

Я, конечно, знаю, что вы не придете. Да и как можно верить детским мечтам, которые и себе самой уже кажутся только мечтами. Но ведь хлебная карточка была в том самом подвале, о котором вы успели мне сказать...»

1970 г.

2. Творческое задание

В Петергофе есть знаменитый фонтан «Самсон». Герой этой скульптуры – библейский персонаж, силач Самсон, который однажды в пустыне встретился со львом и победил его, разорвав сильными руками ему пасть. Но эта скульптура – аллегория, под изображенным надо понимать другое. Лев – знак Швеции на ее гербе, поэтому, изображая победу Самсона над львом, скульптор М.И.Козловский говорил о полтавской победе Петра I над Карлом XII. Напишите миниатюру на тему «Тайные смыслы аллегии», используя свои знания в области литературы, скульптуры, живописи. Быть может, скульптурные изображения на иллюстрациях натолкнут Вас на размышления.

